

Священник Игорь Иванов

ВИЗАНТИЙСКАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ, ГУМАНИЗМ И РЕФОРМАЦИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В статье рассматриваются вопросы соприкосновения западного и восточного христианства на заре Нового времени. С одной стороны, политический коллапс Византийской империи спровоцировал массовый исход греческих интеллектуалов на Запад, в Италию. С другой стороны, в европейских культурных кругах ренессансный гуманизм и сам стремился приобщиться к византийскому наследию. Ситуация осложнялась тем, что биполярный христианский мир (православный Константинополь — католический Рим) утратил свою устойчивость. Вместо обретения единства двух центров в нем наметились центробежные тенденции, породившие реформаторское движение, которое в свою очередь также нуждалось и в основаниях, и в союзниках. В тоже время византийское наследие привлекало и формирующуюся светскую, буржуазную культуру. Не случайно то, что обширная библиотека кардинала Виссариона Никейского досталась в дар венецианской торговой республике, заинтересованной не в борьбе с турками, а в сотрудничестве с ними по коммерческим вопросам. Но, если конфессионально чуждой Европе греки оставили свое философское и богословское богатство, то свое политическое завещание они передали единой Москве как Новому Царьграду.

Ключевые слова: Византия, Ренессанс, гуманизм, кардинал Виссарион Никейский, папа Пий II, образованность, Венеция, библиотека св. Марка.

Возможно ли историческое существование христианства без его переплетения с античным наследием? Возможно ли безущербное возрождение и усвоение античных образцов мысли вне сложившихся линий его христианских интерпретаций? Иными словами, можно ли было в эпоху Ренессанса мечтать о пути «назад к грекам», как бы забыв о столь же греческой и при этом православной Византии и игнорируя, либо выборочно замечая, самих греков и грекофильствующих интеллектуалов, как бы без конца спорящих об Аристотеле, Платоне и их рецепции? Также и в отношении Реформации, можно ли было говорить о пути «назад к правильному христианству», как бы забыв о Православной

Священник Игорь Анатольевич Иванов — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии (igivan74@mail.ru).

Церкви и игнорируя либо избирательно подходу к восточно-христианскому богословскому наследию и церковному опыту?

Неужели на заре Нового времени, принимая богатства византийской культуры и православной веры, западные интеллектуалы и церковные деятели (будь то католические гуманисты или протестантские реформаторы), оказались в разной степени равнодушны к самим «носителям» этих традиций, к «православному народу» как таковому, к духу греко-православной культуры и цивилизации?¹

Своего рода ориентиром в оценке этой культурной ситуации может стать подход Ганса Дитера Беца, отмечающего, что античность и христианство на протяжении столетий не столько противостояли друг другу, как некие мировоззренческие монолиты, сколько находились в динамичном взаимодействии друг с другом².

При этом желательно учитывать, что культурный континуитет не прерывался, ведь, несмотря на трагические события для византийской цивилизации, вторая половина XV века показала, что даже в этих условиях греческая мысль (как церковная, так и светская) переживала один из активнейших и значимых периодов своего пути³.

¹ Вот как характеризует эту реценцию Г. А. Острогорский: «Научное изучение Византии началось в связи с интересом к миру классической античности. Путь историка в Древнюю Грецию пролегал через Византию, которая сохранила классическое наследие, и именно благодаря Византии Запад эпохи Возрождения мог удовлетворить свое страстное стремление как можно больше узнать о греческой культуре. Поскольку ученые были заинтересованы в приобретении греческих манускриптов, в издании и комментировании классических текстов, они вынуждены были обращаться к византийским источникам, так как иных просто не существовало. Византийские ученые Мануил Хризолор, Иоанн Агриропол и Виссарион много сделали для изучения греческой словесности на Западе. Сперва на Западе Византию рассматривали как некую лавку старьевщика, в которой можно было найти сокровища классического мира, сама же по себе «схизматическая» Византия ученых Возрождения практически не интересовала. Но по мере того, как все более распространялось изучение греческого языка, по мере расширения путешествий в древние центры византийской культуры, по мере обращения к византийским комментаторам в деле изучения классической литературы, — возник интерес и к самой Византии. И более того, поскольку история Византии еще не завоевала себе права на существование, то зачастую не делалось разделения между писателями классического мира и Византии. И в изданиях классических памятников иногда включались собственно византийские тексты». *Острогорский Г. А. История византийских исследований // Христианское чтение. 2010. № 1. С. 122.*

² См.: *Betz H. D. Antiquity and Christianity // Journal of Biblical Literature. 1998. Vol. 117, No. 1. P. 6.*

³ К слову, российский исследователь Татьяна Куц приводит 152 имени византийских интеллектуалов, живших в последней трети XIV — XV вв. См.: *Куц Т. В. На закате*

Казалось бы, в огне и разрухе турецкого завоевания были уничтожены многие сокровища античной и христианской традиции. Но и то, что уцелело, до сих пор впечатляет своим разнообразием. И во многом эти сокровища обогатили культурную жизнь западного христианства, сообщив ему некий новый импульс на многие столетия вперед. Византия, умирая, как бы засемила трудами своих выходцев культурные поля Европы и прочего мира. По наблюдению византолога Роберта Нельсона, культурное наследие Византии в виде тысяч манускриптов хранится в европейских библиотеках, в то время как в самом Константинополе едва найдется несколько десятков древних манускриптов⁴. С одной стороны, в ходе османского завоевания византийских территорий так или иначе уничтожались памятники культуры, в том числе и библиотеки. Нельсон приводит данные гуманиста Лауро Кверини о том, что в результате захвата турецкими войсками византийской столицы было утрачено 120 000 греческих рукописей⁵. С другой стороны, многое удалось спасти самим греческим эмигрантам и вывезти за пределы оккупированной родины. Известный своих переходом в католичество, греческих интеллектуал и богослов, кардинал Виссарион Никейский, будучи при этом горячим патриотом, писал так по поводу своего намерения собрать максимальное количество уцелевших греческих рукописей: «Я испытываю великое желание собрать все эти труды не столько для себя, сколько для блага греческого народа — тех, кто выжил ныне, и для будущих поколений»⁶.

Лютеранский пастор и историк богословия, профессор Ярослав Пеликан, принявший православную веру на закате своей жизни, так говорит об этом парадоксальном времени, ренессансной эпохе: «Изложение вероучительных

империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург. 2013. С. 26-38. При этом Т. В. Куш дает характеристику византийской культурной элиты: «под интеллектуалами будем понимать тех, кто непременно обладал хорошим образованием, часть своей жизни посвящал творческим занятиям и активно участвовал в интеллектуальном общении» (Там же. С. 39).

⁴ Здесь можно привести такое свидетельство из того времени: узнав о падении Города, Эней Сильвий Пикколомини, будущий папа Пий II, воскликнул: «О, что теперь можно сказать о бесчисленных собраниях книг, даже неизвестных латинянам, которые были в Константинополе? Как много великих погибнут! Второй смертью умрут Гомер и Платон! Где теперь мы найдем труды гениальных философов и поэтов? Источник Муз оказался разрушенным». Цит. по: *Setton K.M. The Papacy and the Levant. Philadelphia. 1987. Vol. II. P. 150.*

⁵ *Nelson R.S. The Italian Appreciation and Appropriation of Illuminated Byzantine Manuscripts, ca.1200–1450 // Dumbarton Oaks Papers. 1995. Vol. 49. P. 210.*

⁶ Цит. по: *Geanakoplos D. J. Greek Scholars in Venice. Cambridge. 1962. P. 82.*

различий между Востоком и Западом тоже достигло небывалого доселе расцвета. Хотя проблемы и аргументы, в основном, оставались теми же, углубление познаний и более тонкий подход к проблематике вывели полемику между западными и восточными богословами на новый этап⁷.

И далее Я. Пеликан продолжает, заостряя свою идею: «Но даже эта катастрофа способствовала *расцвету византийского православия*, начавшемуся после падения Константинополя. Среди прочего *расцвет* характеризовался систематическим изложением вероучения, в котором вероучительные положения, свойственные восточным пределам христианского мира, были сведены к исчерпывающему вероисповеданию. Обычно такие исповедания возникали в полемически настроенном протестантском богословии, а что касается восточных, появившихся в XVII веке, то своим рождением они хотя бы отчасти обязаны протестантской Реформации. В то же время они представляли собой естественный результат самой византийской вероучительной истории. С падением Византийской империи исчезли и многие установления, идеи и обычаи, которые более тысячи лет отождествлялись с православием Востока. Тем не менее в истории православного учения куда сильнее впечатляет не разрыв между двумя историческими периодами, знаменовавшийся 1453–м годом, а их преемство»⁸.

В этой связи показателен один из аспектов образовательной деятельности кардинала Виссариона Никейского. Он не только собирал переводы латинских богословских текстов на греческий язык и наоборот, переводы греческих сочинений на латынь, но и сам переводил многие значимые труды, в равной степени в совершенстве владея обоими языками. Это взаимообогащение двух культур ярко выражено в составе собранной им библиотеки. Уделим этому несколько строк.

Известно, что 31 мая 1468 года кардинал Виссарион подписал акт о передаче своей коллекции книг в дар Сенату Венеции. Так было положено основание фондам библиотеки Святого Марка (*Bibliotheca Marciana*). В греческой части его книжного собрания было 482 единицы хранения, а в латинской — 264. Всего — 746⁹.

⁷ Пеликан Я. Дух восточного христианства (600–1700) // Христианская традиция. История развития вероучения. В 2-х тт. М., 2009. Т. 2. URL: <http://www.reformed.org.ua/2/61/7/Pelican> (дата обращения: 20.05.2017).

⁸ Там же.

⁹ См.: *Omont H. Inventaire des manuscrits grecs et latins données à Saint-Marc de Venise par le cardinal Bessarion en 1468.* Paris. 1894. P. 33–66.

Приведем тематический состав этой коллекции Виссариона Никейского:

а) *греческая серия*

1–36: Библия и комментарии к ней;
37–189: творения святых отцов и богословские труды. Среди них — 52–71: жития святых; 96–103: сочинения св. Григория Назианзина; 104–107: сочинения св. Кирилла Александрийского; 108–114: сочинения св. Иоанна Златоуста; 152–163: сочинения св. Василия Великого;
190–201: Деяния Св. Соборов и сочинения по каноническому праву;
202–219: книги по медицине;
220–229: книги по гражданскому праву;
230–272: сочинения по математике, астрономии, музыке и пр.;
273–314: труды по ораторскому искусству и по литературе;
315–358: исторические сочинения;
359–409: Аристотель и его комментаторы;
410–441: Платон и его комментаторы;
442–452: Гомер и его комментаторы;
452–468: прочие поэты;
469–482: труды по грамматике и лексикографии.

в) *латинская серия*

1–24: Библия и комментарии к ней;
25–56: творения святых отцов и богословские труды. Среди них — 27–29: сочинения св. Григория Великого; 30–36: сочинения св. Августина Блаженного; 38–41: сочинения Николая Лирийского;
57–77: труды по каноническому и гражданскому праву; Деяния Св. Соборов;
78–82: сочинения по церковной истории;.
83–132. творения святых отцов и богословские труды. Среди них — 90–106: сочинения Фомы Аквинского; 107–111: сочинения Бонавентуры.
133–139: книги по медицине и пр.;
140–196: философские труды: Аристотель и его комментаторы; а также сочинения Аверроэса, Фомы Аквинского, Альберта Великого, Боэция и др.;

197–206: сочинения по математике, астрономии, музыке и пр.;
207–224: поэтические и исторические сочинения;
225–236: труды по ораторскому искусству; сочинения Цицерона;
237–264: разные сочинения.

Даже при беглом взгляде на этот список видно, что аристотелевская традиция превалирует над платоновской¹⁰, и это при том, что Виссариона трудно упрекнуть в предпочтениях аристотелизму, поскольку, даже перейдя в схоластическо-аристотелевское томисткое католичество, он всегда оставался поклонником платоновской традиции, будучи преданным учеником неоплатоника Георгия Гемиста Плифона, которому он посвятил такое двустиише: «Телесными [очами] ты объемлешь землю, а душевными — звезды, сохраняя досточтимый храм всеобъемлющей мудрости»¹¹.

Впрочем, о византийской аристотелевской схоластике можно и нужно говорить отдельно, как о весьма специфическом явлении в истории богословия и философии. Тем не менее, факт остается фактом: среди византийских рукописей сохранилось около 260 копий диалогов Платона и примерно 1000 копий текстов Аристотеля¹².

Благосклонность византийцев к Аристотелю С. С. Аверинцев объясняет так: «Исторический опыт Византии показывает, что в принципе едва ли существует какая-то несовместимость между православием и наследием Аристотеля. Скорее сложности были с Платоном, поскольку Платон вместе с философией как таковой предлагал свою мистику, отличную от христианской, свои символы, свою мифологию. Аристотелевская техника мысли более нейтральна по отношению к религии, чем платоновский экстаз. Такой кодификатор православной нормы в богословии, как Иоанн Дамаскин (VII — VIII вв.), предпослал своему главному теологическому труду *Источник знания* логико-философское введение, основанное на Аристотеле и его неоплатонических и христианских интерпретаторах. Не раз возникала ситуация, когда защитник православия выступал как аристотелик против еретического платоника: например, Николай Мефонский в середине XII века призывал себе на помощь

¹⁰ То есть на 50 аристотелевских текстов приходится 31 платонический текст в греческом списке, а в латинском находится только 56 аристотелевских текстов.

¹¹ Цит. по: *Siniossoglou N. Radical Platonism in Byzantium: Illumination and Utopia in Gemistos Plethon*. Cambridge. 2011. P. 7.

¹² *Ierodiakonou K. Byzantine Philosophy and its Ancient Sources*. Oxford. 2002. P. 2.

аристотелевскую критику теории идей против гетеродоксального учения Сотириха Пантевгена; на самом исходе исторического бытия Византии, уже в XV веке, последний враг византийского православия, загадочный неопаганист Георгий Гемист Плифон, был ярким платоником, а его оппонент, первый патриарх Константинополя после пленения последнего турками, по имени Геннадий Схоларий — убежденным аристотеликом. Что до виднейшего православного мистика XIV века Григория Паламы, то он, вообще говоря, выступал против допущения какой бы то ни было языческой философии в зону теологической работы; и все же недаром он выступал почти подростком при дворе с рефератом по аристотелевской логике, — та пара терминов *усия* и *энергейя*, при посредстве которых он решает проблему соотношения между трансцендентностью и имманентностью божества и обосновывает столь характерную для православия доктрину исихазма, заимствована у Аристотеля¹³.

Можно предположить, что Аристотель для византийских мыслителей был прежде всего учителем техники мышления, ведь не секрет, что искусенные в диспутах византийцы постоянно находились в динамичном преодолении интеллектуальных контроверз, одними мыслителями выдвигаемых, другими опровергаемых, а спорить на интеллектуальном уровне без внятного логического и филологического аппарата было весьма затруднительно.

Как отмечает Линос Бенакис, «философия в Византии не прекращала трансляции античных знаний о человеке и мире и была часто независимой от богословской мысли, как на уровне теоретической, так и на уровне практической философии, иными словами она никогда не была сугубо служанкой богословия (*ancilla theologiae*)»¹⁴.

И то, что такая модель свободных взаимоотношений философского и богословского дискурсов оказалась перенесенной на Запад в эпоху Ренессанса, заслуга именно греческих интеллектуалов, оказавшихся в эмиграции волею судеб. Конечно, этот подход знал и свои перекосы,

¹³ Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской культурной традиции. М., 1996. С. 321–322.

Benakis L. Die theoretische und praktische Autonomie der Philosophie als Fachdisziplin in Byzanz // Knowledge and the Sciences in Medieval Philosophy, Proceeding of the Eight International Congress of Medieval Philosophy. Helsinki. 1990. P. 323–324.

¹⁴ Benakis L. Die theoretische und praktische Autonomie der Philosophie als Fachdisziplin in Byzanz // Knowledge and the Sciences in Medieval Philosophy, Proceeding of the Eight International Congress of Medieval Philosophy. Helsinki. 1990. P. 323.

при которых позиционировалась приоритетность (а, значит, и большая авторитетность) тех или иных авторов, тех или иных концепций, вплоть до «неопаганизма», «радикального платонизма» или же «неосхоластики». Трудно сказать, где проходил для некоторых греческих эмигрантов-интеллектуалов рубеж между искренней верой и нормативным христианством, философской убежденностью и интеллектуальной игрой, патриотическим настроем и космополитическим увлечением, ностальгией по эллинизму и творческим выстраиванием православного мировоззрения в контексте вызовов времени. Каждый из них выбирал свой вариант ответов. И даже противоречивый в оценках потомков кардинал Виссарион Никейский, будучи как бы «своим среди чужих и чужим среди своих», сумел своими деяниями послужить на благо всех, с кем соприкасался в своей жизни: и греческим интеллектуалам, и итальянским гуманистам, и римской курии, и греческой диаспоре в изгнании, и венецианской республике, и даже далекой Руси, устроив союз наследницы византийской империи Софии Палеолог и московского государя Ивана III¹⁵.

Вместе с тем, приходится признать, что попытки и кардинала Виссариона, и папы Пия II, и прочих сторонников идеи объединить европейское христианство в борьбе против турок не нашли отклика среди европейских государств, несмотря на то, что последний титулярный наследник византийского престола Андрей Палеолог поочередно продал свои права на византийский трон французской (1494) и испанской короне (1502). В германских же землях вообще назревал процесс отмежевания от той силы, которая еще могла сплотить четыре великие европейские нации — в 1517 году он выразится в публикации 95 тезисов Мартина Лютера и последующем нарастании реформаторского движения.

Впрочем, то, что реформаторы не собирались оставаться в идеологической и идейной самоизоляции говорит тот факт, что они стали активно искать себе союзников на Востоке. Вот, что пишет по этому поводу Я. Пеликан: «Общее противостояние всему, в чем протестантские реформаторы усматривали папские притязания, заставило их в целях пропаганды и полемики обратиться к восточному христианству. На Лейпцигском диспуте 1519-го года Мартин Лютер, вынужденный отстаивать свою точку зрения, согласно которой авторитет папы

¹⁵ См.: *Садов А. И.* Виссарион Никейский: Его деятельность на Ферраро-Флорентийском соборе, богословские сочинения и значение в истории гуманизма. СПб., 1883; *Его же.* Виссарион Никейский // Христианское чтение. СПб. 1883. № 11–12. С. 657–669.

не является мерилем христианского вероучения и жизни, привел в качестве примера „греческих христиан минувшего тысячелетия... которые не были под властью римского первосвященника“. На следующий год он заявил, что „русские, белорусы, греки, богемцы и многие другие великие земли в этом мире... веруют, как мы, крестят, как мы, проповедают, как мы и живут, как мы“. В деятельности самого Лютера признание такого родства не шло дальше нескольких переговоров с богемскими гуситами, которые, не входя в восточный христианский мир, отпали от Рима лишь веком раньше. То, что у Лютера было просто полемической интуицией, у его товарища Филиппа Меланхтона и его учеников стало более основательной попыткой экуменического сближения. Самым важным шагом в этой области явился перевод на греческий язык Аугсбургского Исповедания, которое представляло собой вероучительную хартию лютеранской реформации. [...] Заинтересовавшись восточным христианством, лютеране были поражены тем, что „во время турецкой тирании“ сохранились „не только вероучение и обряды христианской религии“, но и структура епископального правления и порядка...»¹⁶

В наше время, вполне очевидно, что этот диалог, раз начавшись, продолжается и до сих пор, тем или иным образом на своем историческом протяжении вовлекая разных представителей реформаторских конфессий в орбиту византийского культурного и религиозного мира, тем самым создавая для них возможность приобщения как православному наследию в целом, так и русской духовности в частности.

В заключение можно сказать, что с падением Византии в середине XV века, для Европы начался долгий и непростой путь возвращения к *православным отцам* через непрестанное вдумчивое и плодотворное освоение византийского наследия в разных его проявлениях: вероучительном, культурном, политическом и социальном. Все эти аспекты византийской цивилизации со всё большим вниманием изучаются в современных национальных и международных научных центрах, о чем свидетельствуют многочисленные исследования на разных иностранных языках.

¹⁶ Пеликан Я. Дух восточного христианства (600–1700)...

Источники и литература

1. *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской культурной традиции. М., 1996.
2. *Острогорский Г. А.* История византийских исследований // *Христианское чтение*. 2010. № 1. С. 122–132.
3. *Куц Т. В.* На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург. 2013.
4. *Пеликан Я.* Дух восточного христианства (600–1700) // *Христианская традиция. История развития вероучения*. В 2-х тт. М., 2009. Т. 2. URL: <http://www.reformed.org.ua/2/61/7/Pelican> (дата обращения: 20.05.2017).
5. *Садов А. И.* Виссарион Никейский: Его деятельность на Ферраро-Флорентийском соборе, богословские сочинения и значение в истории гуманизма. СПб., 1883.
6. *Садов А. И.* Виссарион Никейский // *Христианское чтение*. СПб. 1883. № 11–12. С. 657–669.
7. *Benakis L.* Die theoretische und praktische Autonomie der Philosophie als Fachdisziplin in Byzanz // *Knowledge and the Sciences in Medieval Philosophy, Proceeding of the Eight International Congress of Medieval Philosophy*. Helsinki. 1990. P. 223–226.
8. *Betz H. D.* Antiquity and Christianity // *Journal of Biblical Literature*. 1998. Vol. 117, No. 1. P. 3–22.
9. *Geanokoplos D. J.* Greek Scholars in Venice. Cambridge. 1962.
10. *Ierodiakonou K.* Byzantine Philosophy and its Ancient Sources. Oxford. 2002.
11. *Nelson R. S.* The Italian Appreciation and Appropriation of Illuminated Byzantine Manuscripts, ca. 1200–1450 // *Dumbarton Oaks Papers*. 1995. Vol. 49. P. 209–235.
12. *Omont H.* Inventaire des manuscrits grecs et latins données à Saint-Marc de Venise par le cardinal Bessarion en 1468. Paris. 1894.
13. *Setton K. M.* The Papacy and the Levant. Philadelphia. 1987.
14. *Siniossoglou N.* Radical Platonism in Byzantium: Illumination and Utopia in Gemistos Plethon. Cambridge. 2011.

Priest Igor Ivanov. Byzantine scholarship, Humanism and Reformation: positioning a question.

The article deals with the issues of contact between Western and Eastern Christianity at the dawn of the New Times. On the one hand, the political collapse of the Byzantine Empire provoked a mass exodus of Greek intellectuals to the West, to Italy. On the other hand, in European cultural circles, Renaissance humanism itself sought to join the Byzantine heritage. The situation was complicated by the fact that the bipolar Christian world (Orthodox Constantinople – Catholic Rome) lost

its stability. Instead of gaining the unity of the two centers in the Christian world centrifugal tendencies emerged that gave rise to the reform movement, which in its turn also needed both bases and allies. At the same time, the Byzantine heritage also attracted the emerging secular, bourgeois culture. It is no coincidence that the rich library of Cardinal Bessarion of Nicaea was donated to the Venetian trade republic, interested not in the struggle against the Turks, but in cooperation with them on commercial issues. But if the Greeks gave their philosophical and theological wealth to confessionally alien Europe, they made their political will to the one-sided Moscow as New Tsargrad.

Keywords: Byzantium, Renaissance, Humanism, Cardinal Bessarion of Nicaea, Pope Pius II, Venice, Bibliotheca Marciana, scholarship.

Priest Igor Anatolievich Ivanov – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Chair of the Department of Foreign Languages and Associate Professor of the Department of Theology at St. Petersburg Theological Academy (igivan74@mail.ru).